

В поисках сельского модерна в России

BRUISCH K. (2014). ALS DAS DORF NOCH ZUKUNFT WAR: AGRARISMUS UND EXPERTISE ZWISCHEN ZARENREICH UND SOWJETUNION. KÖLN: BÖHLAU. 394 S. (BEITRÄGE ZUR GESCHICHTE OSTEUROPA, 47). ISBN 978-3-412-22385-4

Олег Кильдюшов

Научный сотрудник Центра фундаментальной социологии ИГИТИ НИУ ВШЭ

Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000

E-mail: kildyushov@mail.ru

Автор основательного исследования «Когда деревня еще имела будущее: аграризм и экспертиза в Российской империи и Советском Союзе» — научный сотрудник Германского исторического института в Москве доктор Катя Бруиш, специалист в области русской аграрной, социальной и научной истории рубежа позднейперской и раннесоветской эпох. Ее предшествовавшие работы также в основном были посвящены интеллектуальной истории отечественного крестьяноведения¹. В прошлом году на русском языке под ее со-редакцией вышла книга о российском опыте Первой мировой войны и последовавших за ней событиях².

Рецензируемая здесь работа появилась в рамках известной серии «Исследования по истории Восточной Европы», которую издательство «Böhlau» ведет с 1954 года³. Она составила 47-й том данной серии. Крут обсуждаемых в книге проблем прямо связан с дебатами о будущем русской деревни, которые в начале XX века велись ведущими аграрными экспертами страны. В центре внимания — взаимодействие научной экспертизы, общественного мнения и политики в переходную эпоху поздней Российской империи и раннего СССР. На материале текстов и судебных влиятельных экономистов-аграрников К. Бруиш реконструирует несостоявшийся проект другой, ненасильственной модернизации русской деревни, по ту сторону коллективизации, голода и государственного принуждения. Ее интересуют сама попытка экспертного сообщества предложить государству и общественности

© Кильдюшов О. В., 2015

© Центр фундаментальной социологии, 2015

1. *Bruisch K.* (2010): *Historicizing Chaianov: Intellectual and Scientific Roots of the Theory of Peasant Economy // Transforming Rural Societies: Agrarian Property and Agrarianism in East Central Europe in the Nineteenth and Twentieth Centuries* / Ed. D. Müller, A. Harre. Innsbruck: StudienVerlag. P. 96–113; *Бруиш К.* (2012). *Крестьянская идеология для крестьянской России: аграризм в России начала XX века // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Вып. 7. С. 142–158*; *Bruisch K.* (2015). *Contested Modernity: A. G. Doiarenko and the Trajectories of Agricultural Expertise in Late Imperial and Soviet Russia // Scientists' Expertise as Performance: Between State and Society, 1860–1960* / Ed. J. Vandendriessche, E. Peeters, K. Wils. London: Pickering and Chatto. P. 99–114.

2. *Бруиш К., Катцер Н.* (Ред.). (2014). *Большая война России: социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох. М.: Новое литературное обозрение.*

3. <http://www.boehlau-verlag.com/newbuchliste.aspx?id=5>

собственный образ сельского модерна в качестве цели аграрной политики, а также причины неудачи в конечном счете данного интеллектуально-политического предприятия. Исследовательница на конкретном историческом материале показывает всю гетерогенность модернизационной программтики в России, что позволяет углубить понимание взаимоотношений между политической идеологией и экспертным знанием, возникших в ходе трагической социальной истории русской деревни в XX веке.

Модернизация сельских регионов являлась важнейшей проблемой политической и общественной повестки дня поздней Российской империи, для властных и культурных элит которой представление об отсталости крестьян было частью нормативного самоописания. Причем это презрительное отношение касалось не только имперских правящих кругов, но и большевиков, которые в результате решились на насильственное разрушение социального порядка русской деревни в рамках собственных попыток революционного переустройства мира. Несмотря на наличие подобного антикрестьянского мейнстрима, складывавшегося еще начиная с XVIII века с его категориями прогресса и отсталости, в начале XX века в России возникает группа интеллектуально и общественно авторитетных агрономов, статистиков и экономистов, которые начинают разрабатывать альтернативные представления о сельском хозяйстве как особой экономической форме, вполне способной не только пережить кризисы, но и всегда открытой для развития. Именно данный контрпроект аграризма, разрабатывавшийся тогда многими учеными, политиками и представителями аграрной общественности, находится в центре обсуждаемого здесь исследования. Некоторые имена были заново открыты и стали широко известны во времена перестройки — здесь достаточно вспомнить такие фигуры, как первооткрыватель «моральной экономики» крестьянского мира А. В. Чаянов или исследователь циклов экономической конъюнктуры Н. Д. Кондратьев.

Центральная мысль данной идеологии заключалась в понимании необходимости (при)остановить разрушение традиционных сельских сообществ в результате процессов ускоренной индустриализации и урбанизации XIX–XX веков, вернуть сельскому хозяйству стратегически важную роль в ВВП страны, а также продемонстрировать всему обществу равнозначность и равноценность аграрных и индустриальных форм жизни. Идеологическими источниками данного комплекса идей выступали два не просто различных, но, по сути, противоположных полюса общественной утопии: с одной стороны, консервативно-романтический миф о погибшей сельской идиллии, с другой — футуристический проект аграрного модерна, использующего современные технологии и выводящего на рынки новые продукты сельскохозяйственного производства. Стоит ли говорить, что в последнем случае крестьяне из забитых и отсталых превращались в (потенциальных) носителей общественного прогресса, выступающих в качестве передового отряда мировой социальной революции. При этом подобное аграрно-ориентированное социальное визионерство не было исключительно русским явлением, а проявлялось

повсюду, где ускоренная модернизация вызывала небывалое напряжение между традиционным жизненным укладом и вызовами адаптации к радикально изменившимся структурным условиям коллективного действия. В этом смысле идеология аграризма выступала в качестве «дискурса альтернативной модернизации», способной решить острейшую проблему поздней Российской империи — интеграции крестьянских масс в хозяйство, общество и политику современного типа. По меткому выражению Бруиш, в рамках данного смешения научного знания и идеологического притязания на общественную значимость, «деревня становилась стержнем будущего» (S. 15–18).

Структурно работа состоит из введения, четырех глав и заключения. В качестве приложения исследование дополняют краткие биографии ведущих представителей аграрного движения России начала XX века. Да и в целом книга может рассматриваться как коллективный портрет экспертного сообщества, временами не без успеха пытавшегося влиять на определение целей и форм государственной политики в деревне на рубеже позднеимперского и раннесоветского периода русской истории. Монография снабжена серьезным научным аппаратом, включающим не только библиографию и архивные источники, но и небольшой словарь важнейших понятий аграрного дискурса.

Во введении (S. 13–30) исследовательница формулирует сразу несколько эвристических задач, которые взаимно дополняют друг друга при аналитическом описании идеологии и практики аграризма. Во-первых, она предлагает набросок истории профессионализации и научного становления аграрной политики в России. Во-вторых, рисует своеобразный групповой портрет аграрных экспертов, что позволяет ей обозначить различные перспективы, объединенные общей идейной, социальной и политической историей русского аграризма. Особую методологическую ценность представляет реконструкция Катей Бруиш использовавшихся ими образов и аналитического языка, включая их имплицитное представление о сельском модерне, выступавшем в качестве рамочной цели общественного развития и потому являвшемся императивом политического действия (S. 23–26). Это важно не только для адекватного понимания конкретных идей, разрабатывавшихся в рамках данного интеллектуального сообщества, но и для определения общего модернизационного вектора и потенциала, который представители данного течения связывали с развитием русской деревни.

Первая глава исследования под сложным программным названием «„...что будущее принадлежит нам“: наука, общественность и политика в эпоху поздней империи» (S. 31–98) посвящена ряду важнейших тем, релевантных не только для аграрной истории России, но и для общей теории модернизации — причем как содержательно, так и методологически. В ней речь идет об «открытии крестьян» как социального феномена, ранее не попадавшего в поле зрения аграрно-научного дискурса. Тем самым анализируются сама оптика аграрной науки, включая ее «слепые пятна». Более того, реконструируя историю аграризма, Бруиш показывает, что сама идея о крестьянском сельском хозяйстве как экономической форме

является исторически довольно поздней — она появляется не ранее середины XIX века! В этом смысле она рассматривается здесь как эвристический концепт, позволяющий открыть новую социальную феноменологию и совершить тем самым парадигматические изменения в аграрном дискурсе поздней империи. Данные дискурсивные изменения были не просто обусловлены широкими общественно-политическими дискуссиями «о судьбе России», «о народе», традиционными для русской интеллигенции всех идеологических направлений, но — вне всякой идеализации крестьянского мира — открывали новые возможности концептуализации перспектив интеграции большинства населения страны в проект общенациональной экономической, технологической и социальной модернизации. Таким образом, научно-технический аграрный вопрос оказался напрямую связан с фундаментальными социальными изменениями начала XX века. Именно поэтому в первой главе аграризм рассматривается и как научная парадигма, и как общественное движение, и даже как политическая программа.

Во второй главе «„Гражданский долг“ и „спасение России“ — аграрные эксперты во время Мировой и Гражданской войны» (S. 99–178) обсуждаются стремительные изменения статуса многих представителей аграрного экспертного сообщества, за короткое время проделавших путь от технических специалистов до членов общественной элиты, что не в последнюю очередь было связано с критическим значением вопроса снабжения населения продуктами питания во время Первой мировой войны. Эти аграрные эксперты были фактически включены в квазигосударственные органы централизованного управления. После Февральской революции, которую они встретили с большим оптимизмом, некоторые члены движения на короткое время оказались причастны к выработке государственной аграрной политики. Катя Бруиш даже говорит в этой связи об аграризме как государственной идеологии. На этот же исторический момент приходится период политической мобилизации данного сообщества, в результате которой некоторые его представители оказались в высоких правительственных кабинетах, прежде всего — министерства земледелия и министерства продовольствия. В этом смысле активное сотрудничество с Временным правительством может рассматриваться как пик общественно-политического признания их компетенций — что опять-таки совсем не удивительно перед лицом стоявших задач радикального переустройства русской деревни. Однако крайне неудачное участие представителей движения («кооперативной группы») в выборах в Учредительное собрание осенью 1917 года показало пределы их политических возможностей: «В борьбе за власть приверженцы аграризма стали жертвами собственной идеологии» (S. 128).

С приходом к власти большевиков, часть аграрных экспертов была включена в советские структуры научной общественности, что во многом было обусловлено кадровым голодом новых правителей России. При этом, идя на проблематичное сотрудничество с ними в условиях большевистской диктатуры и Гражданской войны, эксперты-аграрники были вынуждены признать крах своей прежней программы переустройства русской деревни: в результате последовательных шагов

новой власти по разрушению институциональной и коммуникативной среды аграрного движения сельский модерн самоуправляемых крестьянских хозяйств казался еще более далекой утопией...

Их судьбе при советском режиме посвящена третья глава исследования «„25 лет лицом к деревне“ — дореволюционные эксперты при большевиках» (S. 179–257). В ней Бруиш анализирует как мотивы обеих сторон, приведшие к «огосударствлению аграризма», так и сохраняющуюся зависимость правящего режима от «буржуазных специалистов», в качестве которых теперь рассматривались представители аграрного экспертного сообщества, несмотря на их фактическую политическую генеалогию и реальные социальные траектории. Стоит ли говорить, что поворот к новой экономической политике (НЭП) рассматривался ими как возможность возобновления дореволюционных традиций модернизации русской деревни. Интеграция экспертов старой школы в деятельность органов управления не прошла бесследно для работы госаппарата и особенно для подготовки молодых специалистов. Вновь открывшиеся карьерные шансы также способствовали тому, что некоторые представители аграризма не оставляли надежды увидеть в НЭПе параллели с их собственными планами сельской модернизации, относящимися к эпохе поздней Российской империи⁴.

В любом случае использовавшийся в этот период властями аграрно-политический инструментарий делал это сотрудничество с ними возможным, несмотря на принципиальный идеологический конфликт относительно будущего сельского хозяйства России. Ведь идеал сельского модерна как утопии свободной кооперации, разрабатывавшийся аграризмом до революции, лишь отчасти соответствовал целям большевистской аграрной политики даже во время НЭПа: «Подобно царским чиновникам ведущие государственные и партийные функционеры в 1920-е годы разделяли технократически-этатистский управленческий оптимизм, не оставлявший другим, негосударственным акторам никакого свободного пространства» (S. 213). Возвращение большевиков к риторике классовой борьбы времен Гражданской войны и насильственным методам проведения аграрной политики в конце 1920-х имело следствием на аппаратном уровне маргинализацию старых специалистов вместе с дискредитацией интеллектуальных традиций дореволюционного аграризма. По мнению автора исследования, 1930 год можно считать последним в истории русского аграрного движения: отныне его представители были не просто маргинализированы, но и криминализированы в ходе первых показательных

4. К. Бруиш пишет в этой связи о недопонимании: «Если многие представители дореволюционной интеллигенции рассматривали крестьян как носителей сельскохозяйственного роста, а крестьянские хозяйства — как самостоятельную основу будущего сельского уклада, то у ведущих большевиков негативное восприятие всего крестьянского было связано с традиционным недоверием к экономической самостоятельности и неконтролируемым инициативам „снизу“. <...> Таким образом, впечатляющие профессиональные карьеры многих дореволюционных экспертов в советском аппарате являлись результатом этого непонимания основных идей и методов государственной аграрной политики» (S. 214–215).

процессов. С началом сталинизма старые эксперты в области сельского хозяйства окончательно вытесняются из советского аграрного дискурса (S. 257).

Небольшая по объему четвертая глава книги «„Тяжелая повозка истории“ — контексты воспоминания и забвения» (S. 258–285) посвящена судьбам конкретных аграрных экспертов. В частности, отдельный раздел повествует об их попытках продолжения научной и общественной активности за рубежом, прежде всего в Праге и Берлине. Автор на конкретных примерах показывает, что оказавшиеся в эмиграции представители аграризма не встретили особого интереса к своим работам в принимающих странах, поскольку «до конца своих дней мечтали о крестьянской аграрной модернизации и возвращении в Россию. Однако как конкретный проект модернизации русской деревни аграризм уже с конца 1920-х относился к „миру прошлого“» (S. 269). В результате распада прежних социальных сетей и неудачной коммуникации с международным сообществом специалистов в области аграрных наук, экономики и кооперации интенсивно разрабатывавшаяся в предреволюционные годы утопия русского сельского модерна оказалась забыта на долгие годы.

Судьба ведущих представителей аграризма, оставшихся в СССР, была еще более печальной — от стигматизации в качестве «буржуазных специалистов» в конце 1920-х годов власти в конце 1930-х перешли к их физическому уничтожению уже в качестве «врагов народа». Исследовательница показывает, что лишь единицам из выживших экспертов удалось вернуться к прежним занятиям в рамках сельскохозяйственной проблематики, но уже никогда — к предмету собственного интеллектуального и общественно-политического проекта, т. е. к ориентированной на крестьянское хозяйство версии модернизации русского села.

В заключении (S. 334–343) Катя Бруиш пишет о том, что русский аграризм подтверждает полифонизм, посредством которого современники реагировали на глубокие экономические, общественные и политические изменения при переходе от XIX к XX веку. При этом она убедительно показывает, что общественные дебаты того времени по поводу процессов бюрократизации, сциентификации и индустриализации были тесно связаны с верой в изменяемость мира посредством рационального знания и техники. В этом смысле ее исследование может служить подтверждением разнообразия модернизационной программатики в России, историю которой очень часто и все менее убедительно продолжают рассматривать как некое «вечное исключение из правил». А общий вывод исследовательницы и вовсе выходит за пределы собственно аграрной и интеллектуальной истории России начала XX века:

«Фокусируя внимание на крестьянском хозяйстве, кооперации и децентрализованных структурах управления, аграризм отличался от идей и практик, которые стали самыми наглядными признаками русского или советского модерна в форме плотин, фабрик и централизованной организации экономики, политики и общества. Его сторонники не были ни аполитичными технократами, ни рассматривали сельское население как безголосый объект для цивили-

лизаторской миссии элиты. Тематизируя крестьян в качестве важнейших носителей сельскохозяйственного роста и сельского развития, они соединяли популистский топос „творческой формообразующей силы народа“ с верой в трансформирующую силу знаний и разума. Таким образом, и в России модерн был крайне гетерогенным предприятием» (S. 340).

Следует отметить, что в Германии рецензируемая здесь работа была положительно встречена специалистами в области русской аграрной истории. Так, известный немецкий исследователь советской деревни, коллективизации и политической коммуникации⁵ сталинской эпохи Штефан Мерль (Университет Билефельда), помимо ясности и структурированности изложения материала, отмечает в своем отзыве, что К. Бруиш отказалась от соблазна оценки реалистичности тех или иных представлений аграризма, надеявшегося найти «третий путь» в модерн вне традиционной дихотомии капитализм-социализм, на основе крестьянских семейных предприятий. Тем не менее для него ее исследование является подтверждением того, что и крестьянская Россия эпохи поздней империи имела перспективы развития без применения государственного насилия и что, более того, в 1920-е годы подобные взгляды в качестве реальных концептов развития в какой-то мере стали частью советского экономического планирования. В этом смысле некоторые достижения крестьянской утопии аграризма оказались востребованы некомпетентным коммунистическим руководством, зависевшим от технических знаний профессионалов даже после окончательной «советизации аграрной науки» в СССР⁶.

Looking for Rural Modern in Russia

Oleg Kildyushov

Researcher, National Research University Higher School of Economics
Address: Myasnitskaya Str., 20, Moscow, Russian Federation 101000
E-mail: kildyushov@mail.ru

Review: *Als das Dorf noch Zukunft war: Agrarismus und Expertise zwischen Zarenreich und Sowjetunion* by Katja Bruisch (Köln: Böhlau, 2014).

5. См. мою рецензию на его недавнее исследование: *Кильдюшов О. В.* (2014). Политическое как коммуникация [Рецензия на книгу: Stephan Merl: Politische Kommunikation in der Diktatur. Deutschland und die Sowjetunion im Vergleich. Göttingen: Wallstein, 2012] // Социологическое обозрение. Т. 13. № 3. С. 238–245.

6. *Merl S.* (2015). Rezension zu: Bruisch, Katja: Als das Dorf noch Zukunft war. Agrarismus und Expertise zwischen Zarenreich und Sowjetunion. Köln 2014 // H/Soz/Kult. 28.05.2015. URL: <http://www.hsozkult.de/publicationreview/id/rezbuecher-23391> (дата обращения: 16.08.2015).